

Той порой, у конюшен почтовой станции, Цинь Сюй, не отрывая глаз от того, как станционные служители кормят лошадей жмыхом, похвалила Цинь Мянью: А-Мянь и правда на редкость бдительна. Даже багаж не стала разбирать, а сразу принялась вынюхивать всё в каждом уголке. Не зря названная мать говорила, что твоё будущее безгранично.

Цинь Мянью не стала тратить силы на вежливые ответы, а, указав на шумящий ресторан, с почтением спросила: Сестрица А-Сюй, солнце еще едва взошло, почему же жители столицы уже всю пируют?

Уголки губ Цинь Сюй дрогнули в усмешке: Когда я сама впервые прибыла в столицу, то задавала такие же деревенские вопросы. Это не пир, это утреннее чаепитие. В Янчжоу и Сучжоу люди живут богаче всех в Поднебесной, и даже их завтраки изысканнее, чем наши пограничные застолья. Его Величество достаточно жесток: захватив Инъяньфу, он приказал всем этим заносчивым богатеям из Цзяннани, которые смотрели на нас как на деревенщину, перебраться в столицу вместе со всеми домочадцами. Так и привычка янчжоуских солеторговцев пить утренний чай перекочевала в Инъяньфу.

О, вот оно что, — небрежно отозвалась Цинь Мянью. — Названная мать говорила, что предки министра Мао тоже были солеторговцами, правда, не из Хуайяна, а из Шаньси, и пришли в упадок из-за войн?

Верно. Министр Мао с супругой большие эстеты. В прошлый раз, когда я навещала их вместе с названной матерью, украшения госпожи Мао были не просто красивы — даже ложечки для поедания крабового мяса были сделаны из чистого золота.

В глазах Цинь Сюй на мгновение мелькнула зависть.

Цинь Мянью коснулась маленького золотого цветка в своих волосах и прикинула: Вы говорили, что этот подарок названной матери на черный день стоит как жалованье чиновника Великой Лю за полгода. Жалованье наших сановников и так скуднее, чем в прежние династии, а министр Мао славится своей неподкупностью. Откуда же тогда у его жены такая роскошь в еде и одежде?

Ну будет тебе, — нетерпеливо оборвала её Цинь Сюй. — Знаю, что ты отличная разведчица, но, А-Мянью, не стоит использовать свой ум, чтобы выискивать изъяны у своих же, понимаешь?

Цинь Мянью опустила глаза и не стала спорить.

Видя её привычную покорность, Цинь Сюй вдруг почувствовала, что тратит силы попусту, пытаясь наставлять такую букашку. В конце концов, букашка всё равно скоро отправится на тот свет.

Тон Цинь Сюй смягчился: Кхе, ты ведь только перевелась в личную стражу, многого не знаешь. Семья госпожи Мао куда богаче, чем род самого министра, так что её приданое наверняка

было огромным. А раз уж она тратит свои деньги, то какая разница, насколько роскошно она живёт, если это не нарушает правил ношения одежды для императриц и наложниц?

Цинь Мянью тихо промычала в ответ и снова посмотрела на импозантное здание чайной, запомнив про себя: с мест у окна на третьем этаже отлично просматривается конюшня почтовой станции Янцзян.

...В этот летний полдень Цинь Мянью, уже вселившаяся в тело старшей барышни Цзинь, сошла с лодки у причала Сишуйгуань и направилась к той самой, ставшей уже знакомой чайной в Хуайяне.

Полотер чайной с лучезарной улыбкой поспешил навстречу: Полгода вас не видели, госпожа хозяйка.

Цинь Мянью догадалась: через Сишуйгуань проходит много судов, направляющихся к озеру Тайху, а уезд Учэн, что на берегу озера, — место, где семья Цзинь скупает жемчуг. Должно быть, госпожа Цзинь часто заглядывала в это заведение по пути.

Она приняла вид постоянной клиентки: Я сяду на третьем этаже, у окна там прохладнее.

Когда завтрак и чай были поданы, Цинь Мянью, поднося ко рту палочки, не сводила глаз с почтовой станции Янцзян. То, что творилось во внутреннем дворе, было скрыто от глаз, слышалось лишь монотонное чтение сутр: очевидно, двор прислал монахов из храма, чтобы те совершили обряд упокоения для Цинь Фан.

Задний двор станции был залит ярким светом полуденного солнца, поэтому Цинь Мянью прекрасно видела, как станционные служители чистят и кормят лошадей.

Рыжей кобылы Цинь Сюй на месте не было.

Цинь Сюй не осталась на станции охранять гроб, скорее всего, она отправилась на новое кладбище Цинь Фан, чтобы проконтролировать ход работ.

Торопливо доев, Цинь Мянью расплатилась, вышла на улицу и сказала вознице мула: На гору Цинляншань.

Почтенную маркизу Динъюань, Цинь Фан, похоронили на горе Цинляншань, и в последние дни туда потянулись толпы обеспокоенных судьбой страны студентов, чтобы почтить память покойной и сочинить стихи. Из-за этого торговля чаем у подножия горы заметно оживилась.

Могила маркизы Цинь? Идите по западной тропе, обогните беседку Ласточки, и как увидите каменные ступени — поворачивайте на юг, — услужливо подсказал торговец.

На гору Цинляншань вела конная тропа, путь был нетрудным. Спустя время, равное двум палочкам благовоний, Цинь Мянью увидела на склоне горы, обращенном к широкой реке, два новых кургана — большой и поменьше, сложенных из синего камня.

Вокруг суеилось множество рабочих: они тесали плиты, возводили стены и строили поминальный павильон — всё, что подобало статусу знатной особы.

Взгляд Цинь Мянью сместился чуть в сторону, и она увидела: за рыжей кобылой, щипавшей траву, стояла Цинь Сюй, подбоченясь и глядя вдаль на реку, где соревновались в скорости десятки парусников.

Был полдень. Студенты, приходившие почтить память Цинь Фан, один за другим покидали этот раскаленный, пышущий жаром склон и уходили вниз, в город, чтобы пообедать и выпить вина.

Цинь Мянью, избегая людей, укрылась в тени деревьев. Сев на камень, она, словно обычный путник, присевший отдохнуть от жары, принялась неотрывно наблюдать за знакомым, но теперь таким чужим человеком.

Цинь Сюй, о чём ты думаешь?

Мучаешься совестью из-за того, что отплатила добром на зло, или боишься, что ваш сговор с домом министра Мао вскроется?

Ты была самой верной и опытной из подчиненных Цинь Фан, сопровождавших её в столицу. Если с маркизой что-то случилось, именно ты должна была немедленно разобраться в ситуации. Как же ты могла не понять, что она ещё жива, если только не была в сговоре с министром Мао?

Должно быть, когда император услышал новости и отправил евнухов в дом Мао, гвозди в гробу уже были забиты.

А ты, с опухшими от слёз глазами, подтвердила, что в гробу лежит именно маркиза, а после показала моё, Цинь Мянью, бездыханное тело. Разве мог император после этого усомниться в словах министра Мао?

Цинь Сюй, зачем ты это сделала?

У маркизы не было ни зятя, ни мужа, ни детей, но оставались две сестры и брат, охранявшие главную ставку армии семьи Цинь в Чжочжоу. Даже если маркиза тебе доверяла, после её смерти ты никак не могла претендовать на пост главнокомандующего. Зачем ты пошла на это?

Цинь Мянью глубоко погрузилась в раздумья, как вдруг услышала шорох в траве за спиной, сопровождаемый тихим жалобным скулежом.

Она обернулась и увидела желтую дворнягу, которая, виляя хвостом, приближалась к ней.

Видя, что собака ведет себя кротко и просто просит еды, Цинь Мянью расслабилась, протянула руку, чтобы погладить её по шее, и с легким сожалением произнесла: У меня нет булочек.

Собака, словно обжегшись, резко отпрянула и увернулась от её руки.

Нет булочек, так, может, есть золото? Это я, Юнь Байли!

Даже при всей своей невозмутимости Цинь Мянью вздрогнула и уставилась в глаза пса, которые из невинных мгновенно стали хитрыми.

Опешив, она выдавила: Ты... переродился в собаку?

Эй, твои слова звучат как оскорбление, — губы желтого пса зашевелились. — Не переродился, а вселился. По правилам Преисподней в мир живых могут спускаться лишь Быкоголовый, Лошадиная Морда да Черный и Белый Неотвратимые Духи. Чтобы мне явиться, нужно было найти живое существо. Сестрица Мэн По отправила одну душу с Хребта Диких Собак через Мост Найхэ, я вселился в неё и пришел в мир живых, чтобы вернуть тебе это.

Сказав это, Юнь Байли тряхнул шеей и выплюнул изо рта золотой цветок. Это был тот самый цветок, который Цинь Мянью дала ему в Преисподней в качестве платы за проход.

<http://bllate.org/book/21831/2261318>